

Искусству раннего Средневековья свойственно отсутствие персональности, индивидуальности персонажей. Живописные и скульптурные изображения людей – будь то святые или обычные люди – различаются, главным образом, атрибутикой: у воина – меч, у пахаря – соха, у святого – венец или артефакты его биографии (решётка святого Лаврентия, стрелы святого Себастьяна)... Лицо не имело значения, портретное сходство не было необходимостью. Главной была функция, дело, которым занимался изображаемый. Персонализация или уникальность каждого субъекта не отражались стилистикой романского стиля и ранней готики. Конечно, женщины отличались от мужчин, а старцы – от детей (борода, одежда и пр.), но это, пожалуй, и всё. Все люди были равны перед лицом Бога, поэтому сугубой необходимостью в портретности не возникало.

От преследования к милосердию

Неуклонный рост влияния католической церкви ознаменовался появлением архитектурной готики: дорогостоящее строительство таких соборов, часто дававшее средства существования целым городам на протяжении многих лет, свидетельствовало не только об инженерных достижениях этих веков (романскому стилю была свойственна совсем иная архитектура), но и о финансовых возможностях церквей, оплачивающих эти работы.

Церковь оказывала на научно-технический прогресс большое влияние, в связи с чем некоторые открытия и новации, не укладывающиеся в строгие религиозные каноны, объявлялись ересями, что тормозило развитие наук: «Они (служители церкви. – И.Я.) хотели задерживать развитие науки, в которой видели опасного конкурента», – заметил Г.Уэллс. Авторитарность схоластики и догматичность церковного уклада стали барьером на пути эмпирического постижения природы.

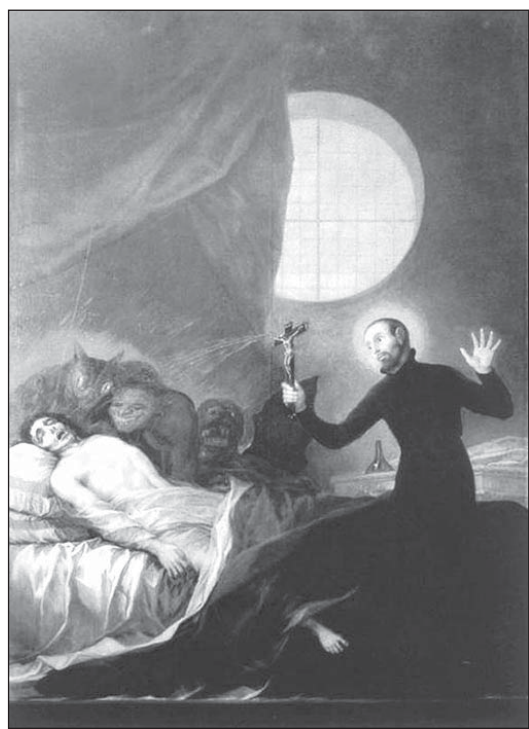
Из трудов античных учёных легитимными оказались работы Аристотеля (учение которого «примирил» с церковью Фома Аквинский, а до него это попытались сделать Немесий и Бозций) и некоторые немногочисленные авторы-язычники. Многие медицинские школы пришли в упадок (Александрийская школа). Медицина ориентировалась на мистико-теологическое направление. Философия стала «служанкой теологии», по афоризму П.Дамиани, считавшему философию «хитростью дьявола», а диалектику – «источником ереси». «Мощная религия раскрывает себя, проникая во все обстоятельства жизни, окрашивая каждый порыв духа, каждый элемент культуры. Но никакая религия никогда не была независимой от культуры соответствующих веков и народов. Как раз тогда, когда она господствует с помощью понимаемых буквально священных текстов, и всё на свете по видимости переплетается с ней, – если она «переплетается со всей жизнью», жизнь неминуемо будет оказывать своё воздействие на религию и также будет переплетена с ней». Это взаимодействие привело к тому, что применительно к Средним векам «мы располагаем лишь отдельными и немногочисленными произведениями. Светское образительное искусство и прикладное искусство практически совершенно отсутствуют», написал И.Хейзинга в своей замечательной книге «Осень Средневековья». Искусство готики носило выраженный религиозный характер, служа интересам духовенства.

Эти события сопровождались в Европе усилением экономического кризиса, пандемиями, конфликтом религии и с языческими жрецами, и со светскими врачами. Христианское духовенство оказалось наиболее грамотной частью населения, сумев сосредоточить в своих руках значительные богатства. Образование осуществлялось преимущественно в монасты-

Былое

В поисках лица

В Средние века психически больных сначала сжигали на кострах, прежде чем увидели в них страдающих людей

рях, что вкуче с материальными ресурсами, сосредоточенными здесь, сформировало новую генерацию врачей, состоявших в альянсе со священниками. У монастырей всё чаще (в связи с паломничеством) возникала необходимость в размещении больших количеств заболевших. Некоторые монашеские ордена занимались исключительно медициной (иоанниты, сепулькринцы, алексиане, госпитальеры).

К психически больным людям Средневековья, следуя авторитету Церкви, почти однозначно относилось, как к «одержимым бесами». Уже с III века для всех эпилептиков, истериков, «припадочных» проводился обряд экзорцизма – изгнания бесов, заключавшийся в «отчитке» больного, произнесении над ним специальных молитв. Позднее в том случае, если обряд не помогал, психически больного «одержимого» сжигали на костре. В 805 г. вышел декрет о запрете казней мнимых колдуний. Аутодафе временно прекратились – вплоть до расцвета инквизиции.

Однако с течением времени для священнослужителей и населения Западной Европы в XII–XIII веках всё в большей мере актуальным становились образы Христа и Девы Марии. Медиевист Карсавин писал: «Сияет с небес «звезда морская» – Дева Мария. И к ней взывает о помощи душа грешника. В культе Марии и в культе Христа-человека находит себе выражение проснувшаяся интимная, задушевная религиозность»: «Благословенна Ты, царица сострадания, сладость жизни надежда наша, благословенна Ты! К Тебе взываем мы, грешные дочери Евы. О Тебе тоскуем со вздохами и плачем

в этой долине слёз. Обратись к нам, поддержка наша, обрати к нам полный сострадания взор свой, покажи нам Иисуса, благословенный плод чрева твоего, о кроткая, о благая, о сладостная Мария!» Человек Средневековья, задумавшийся о милосердии, прощении и сострадании, помыслил и о душе, но в новом, непривычном для себя контексте. Исследователь этой эпохи Карсавин говорил: «В XI веке усиливается ощущение мораль-

стали появляться изображения, обладающие индивидуальными чертами, портретными и психологическими характеристиками (например, скульптурное изображение маркграфини Уты в Наумбургском соборе). Люди обретали лицо. Психология обретала персональность. Даже и в музыке появилась мотетная полифония: ноты получили имена – в XI веке их ввёл в обиход монах-бenedиктинец Гвидо д'Ареццо.

свиное сердце, фаршированное лечебными травами. В Швеции считалось, что у эпилептика, имеющего нож с рукояткой из омелы, припадков не будет. В Германии с той же целью на шею детям вешали кусок древесины омелы. В провинции Бурбонне (Франция) лечебным средством от эпилепсии считался отвар из омелы, сорванной в день святого Иоанна и приготовленной с ржаной мукой. В Голландии омела как средство от эпилептических припадков рекомендовалось вплоть до XVIII века. В «Книге об искусстве врачевания» (1354) герцог Ланкастерский советует приложить к голове безумного только что зарезанного рыжего петуха, кровь которого избавит мозг от «опасных испарений». Считалось, что святой Катберт излечивал людей, «мучимых нечистой силой», молитвой, прикосновением, заклинаниями. «Одержимая дьяволом» исцелилась, коснувшись уздечки лошади святого Катберта. В «Старинном английском лечебнике» средством от конвульсий назывался пирог из мяса белой собаки. В Бельгии сумасшедших лечили заклинаниями в церкви Святой Димфы...

Несмотря на эти нелепые, наивно-смешные – при всём их драматизме – средства, гуманистическая тенденция определилась: система обратила внимание на человека, попытавшись понять его индивидуальные особенности, слабости и проблемы. И среди мизераблей этого мира самыми «униженными и оскорблёнными» были именно психически больные люди, забота о которых стала маркером этой тенденции.

Принцип антропоцентризма, когда человек оказывается «мерой всех вещей», неизменно становился основополагающим к концу существования общественно-экономической формации, когда стратегия системы менеджмента оказывалась менее важной, нежели индивидуальная судьба, когда важнее становилось не функционирование государственной машины, а жизнь обычного человека. Так случилось на исходе Средних веков, когда на смену универсальным изображениям «тёмных веков» пришёл Ренессанс, предвещавший рассвет капитализма.

Так уже бывало и прежде – в период эллинизма, ознаменовавшего закат культуры Древней Греции, когда в депersonализованном античном каноне красоты появились портретные изображения: курносый Сократ весьма далёк от античного идеала Антиноя. Те же тенденции определились в великолепном скульптурном портрете Рима времён упадка. Древний Египет тоже стал использовать портретные и психологические характеристики незадолго до конца этой цивилизации: фаяомский портрет отличается от изображений фараонов эпохи Древнего царства. Появление парсунной живописи на Руси предшествовало завершению феодальной формации. И система социализма рухнула вскоре после того, как начались разговоры о «социализме с человеческим лицом» (а до этого – трафаретные плакаты, портреты сталеваров и доярков, «одинаковые с лица» члены Политбюро)... Есть ощущение, что аналогичный процесс идёт и сегодня: декларации о гуманизации бытия человека в глобальном мире XXI века, усиленное внимание к жизни некоторых социальных групп вновь актуализировали тезис о том, что «человек есть мера всех вещей».

Игорь ЯКУШЕВ,
доцент Института
ментальной медицины
Северного государственного
медицинского университета.

Архангельск.

ной идеи. Развитие исповеди, проповеди и морально-воспитательной деятельности клира». «С X-XI веков обнаруживаются первые признаки более глубокого, задушевного постижения религиозных проблем, растут мистические переживания». «Мистика XII-XIII веков важна не его собственная индивидуальность, а проявляющаяся, живущая в ней «человеческая душа», в которой он разбирается с удивительной чуткостью». «Страдание чрез страдающего Бога и Человека приводило к Богу, превышающему страдание и наслаждение в разделяющей и соединяющей любви». Мистика Бернара Клервосского и Ришара Сен-Викторского обращала людей к морали и милосердию.

Но эмпатия мистиков Средневековья стала и дедуктивным методом проникновения в психику человека, преобразовавшись в психологически тонкую лирику трубадуров и миннезингеров:

*«И я теперь то страх, то стыд
Испытывать приговорён
Меня сомнение томит:
Быть может, сон тот –*

только сон,

*А я, глупец, мечтаю!
Коль так надежда нескромна,
То на позор обречена».*
(Гираут де Борнейль).

В этом фрагменте сложность испытываемой эмоции и психологическая адекватность описания тревожной, постоянно сомневающейся психастенической симптоматики, заранее переживающей фиаско, а также невротической рефлексии, близкой к феномену «умственной жвачки», уже констатируют то обстоятельство, что искусство имеет возможность тонкого и точного интроспективного анализа и может выразить его словами.

Попытка проникновения во внутренний мир человека ознаменовалась персонализацией каждого отдельного субъекта, сопровождающейся пониманием движений его души. Психологический портрет становился всё более индивидуальным, уникальным, личностным. И это понимание легло в основу деуниверсализации субъекта, его неповторимости. Движение в направлении антропоцентризма стало определившейся тенденцией эпохи. В искусстве

Первые психиатрические больницы

Упоминания о первых психиатрических стационарах тоже темны, невняты и непространны. Известно, что в городе Фельтре (Италия) в XII веке было некое психиатрическое заведение. В 1305 г. в шведской Упсале был основан Дом святого Духа, принимавший странников и душевнобольных. В 1377 г. при монастыре Святой Марии Вифлеемской (Бетлехэм), функционирующем в качестве больницы-приюта с ещё более раннего времени (1247 г.) начинают размещать психически больных. Персонал этих заведений состоял из монахов и монахинь, и уход за пациентами находился в руках религиозных орденов. Наиболее развитая сеть психиатрических стационаров была в Испании, имевшей традиционно тесные связи с арабским миром, где подобные учреждения появились ещё в VII–IX веках (Фес, Багдад, Дамаск, Каир, Иерусалим). Это были именно больницы, в противоположность уже существовавшим германским доллхаузам, более напоминавшим темницы. В дальнейшем психиатрическими больницами в Европе стали бывшие лепрозории, заполнявшиеся больными проказой, заносимой в Европу воинами крестовых походов. Когда эпоха походов закончилась, и лепрозории опустели, в эти заведения стали помещать больных оспой, инвалидов и душевнобольных. В XIV–XV веках психиатрические больницы появились в большинстве стран Европы (Испания; Германия, XIV век: нюрнбергский *Narrh uslein*; Италия: падуанская *Casa di maniaci*, приют в Бергамо; Англия, XV век). Терапевтические меры в них сводились в основном к пенитенциарным мерам удержания и социальным мерам призрания.

Превалировали методы brutальные, болезненные, лишённые какого бы то ни было медицинского базиса и – парадоксальным для христианской цивилизации образом – аналогичные по своей сути магическим способам лечения психических расстройств, применяемым в языческих цивилизациях. При меланхолии нужно было съесть